

ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

**АКАДЕМИЯ
ПОД УДАРОМ**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
П30

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *А. Флер*

Петровичева, Лариса Константиновна.

П30 Академия под ударом / Лариса Петровичева. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-111851-8

Если девушка выставила на окно цветок сластолиста, значит, в дом пришла беда — жить совсем не на что.

Но явившийся к недавно осиротевшей дочери генерала Леклера Оберон Ренар почуял дух не только беды, но и преступления. Декан факультета темной магии привык сражаться с порождениями зла. Кто и почему так упорно преследует хрупкую и на первый взгляд совершенно безобидную генеральскую дочь? Он еще не знает, что попытка спасти девушку поставит под удар всю Академию магии. Какие загадки ждут героев в заваленной хламом кладовке? Перестанет ли хохотать над победителем нечисти ползучая живая тьма в зеркалах?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Петровичева Л.К., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-111851-8

Глава 1

ТАЙНА ЭЛИЗЫ ЛЕКЛЕР

В дом пришла беда.

Оберон в этом убедился, когда заплаканная служанка приняла у него пальто и предложила пройти в богато обставленную гостиную.

— Миледи Элиза сейчас спустится, — всхлипнула она, отерла лицо ладонью. Оберон понимающе кивнул.

Когда девушка из благородной семьи выставляет на окно горшок с цветущим сластолистом, это значит лишь одно: семья разорена и девушка готова пойти в содержанки, чтобы расплатиться с долгами. Неудивительно, что в доме плачут.

Оберон прошел в гостиную, сел на диван, обтянутый дорогим цветастым шелком, поворошил журнал, оставленный на столике. Подумал, не достать ли сигару, но решил, что это будет дерзостью.

Люди и без этого переживают, не стоит их задевать лишний раз.

Генерал Леклер, темноволосый и узколицый, угрюмо смотрел на него с портрета. Нарисованные глаза казались живыми, обжигающими незваного, но полезного гостя. Из газет Оберон знал, что ме-

сяц назад генерал проиграл в карты и свое, и чужое имущество и застрелился. Единственная дочь осталась одна, и дела ее были плохи.

Деньги, деньги, проклятые деньги! Все снова упирается в них! Сколько банковских стервятников уже успели вцепиться в юную Леклер? Сколько кредиторов ломятся в эти двери?

Элиза не торопилась — прихорашивалась, должно быть, чтобы предстать перед покупателем во всем очаровании и свежести своей юности. Оберон расслабленно откинулся на спинку дивана и подумал, что страшно устал. Два часа назад он вернулся из поездки в Заболотье, заехал в Министерство магии, сдал добычу и собирался потом вернуться домой и просыпаться только для того, чтобы стрелять в тех, кто вознамерится его разбудить.

Но дом генерала Леклера был по соседству с министерством, Оберон увидел в окне горшок со сластолистом, и ноги сами повели его к парадному подъезду.

Помнится, его куратор говорил: «Ты, Ренар, и до нужника сходить не можешь, чтобы не найти приключений на свой тощий зад. Везде-то ты их находишь, прямо удивительно!»

— Милорд.

Он встрепенулся, обернулся. Элиза Леклер в простеньком светлом платье спустилась со второго этажа, стояла у лестницы, испытующе глядя на Оберона. «Вот он, тот человек, который меня купит, который решит все мои проблемы» — Оберон не умел читать мысли, но не нужно было магии, чтобы понять, о чем сейчас думает Элиза.

Он поднялся с дивана, поклонился, представился:

— Оберон Ренар, к вашим услугам.

— Я знаю, кто вы, — едва слышно прошелестела Элиза. Прошла к креслу, села — тоненькая, прямая, как натянутая струнка. Коснись пальцем — будет звон.

Но за этой хрупкостью Оберон почувствовал силу и независимость, такую странную в нынешней ситуации. Юная Леклер была не так проста, как могло показаться с первого взгляда.

«Хорошенькая, — подумал Оберон. — Даже нет, красавица». Пышные каштановые волосы падали на плечи и спину кудрявыми волнами, маленькое светлокожее лицо с изящными чертами было бледным и усталым, большие каре-зеленые глаза смотрели на Оберона с глубоко спрятанным отчаянием. Пуховка с пудрой убрала следы слез, но Оберон знал, что девушка плакала.

На мгновение его кольнуло жалостью.

Элиза Леклер сражалась за свою жизнь и честь. Потерпела поражение.

Оберон был победителем, на милость которого она сдавалась.

— Я увидел сластолист в окне, — начал Оберон и понял, что не знает, как дальше вести беседу. Ему еще не приходилось покупать невинных девушек из разорившихся благородных семейств. Элиза кивнула и заговорила быстро-быстро, словно боялась, что ее перебыют или она забудет заученный текст:

— Мой отец покончил с собой, проиграв все имущество. Я полностью разорена, я на грани от-

чаяния. Этот дом уже не мой, по большому счету, через неделю его заберут. Я нахожусь в самых пугающих обстоятельствах. Этот месяц я бьюсь, пытаюсь найти работу, пока устроилась лишь переводчицей в журнал, но этого ничтожно мало, чтобы хоть как-то жить. И я... я действительно ищу мужчину, который... — она сделала паузу, пытаюсь обуздать волнение, и закончила шепотом: — решит мои проблемы.

Оберон понимающе кивнул. Идти в содержанки — давняя традиция среди благородных, но обедневших барышень, которая позволяет сладко жить, крепко спать и не беспокоиться о том, что завтра ты окажешься в съемной каморке на чердаке под одним одеялом с крысами. И это Элиза еще пробовала где-то работать, взялась за переводы! Обычно девушки из благородных семей сразу идут по простому пути.

Он невольно почувствовал уважение.

— Хорошо, — кивнул Оберон. — Я готов решить ваши проблемы. Дам денег столько, что заткну рот всей столице. Согласны?

Элиза испуганно посмотрела на него. Кивнула. Подумала, что расплатиться за доброту придется уже сегодня, и эта мысль внушила ей ужас.

Оберон не обольщался на собственный счет — он, в конце концов, видел себя в зеркале. Тяжелое скуластое лицо с острым носом, ожог от плевка болотницы на шее — да, не красавец. Зато у него есть деньги, и много. Декану факультета темной магии их, в общем-то, некуда тратить, он живет на полном государственном обеспечении.

— Согласна, — прошептала она. Оберон улыбнулся и сказал:

— Вот и замечательно. Тогда раздевайтесь.

Элиза посмотрела на него так, словно он ее ударил. К щекам прилил румянец, в глазах засверкали слезы, и за удивлением мелькнули презрение и ненависть. Оберон подумал: это именно то, что нужно.

Она дала бы ему пощечину, если бы могла.

— Как вы смеете? — голос тотчас же сделался звонким, дрожащим. — Как вы...

Оберон устало вздохнул.

— Будем называть вещи своими именами, миледи Элиза, — ответил он. — Выставив горшок со сластолистом, вы стали товаром. Я этот товар купил и теперь хочу осмотреть то, за что заплатил серьезные деньги. Триста тысяч золотых крон, если быть точным.

Элиза побледнела. За триста тысяч золотых крон можно было купить два таких дома и дюжину таких девушек.

— Раздевайтесь, — повторил Оберон. Лицо Элизы дрогнуло, девушка сделалась слабой и жалкой.

— Здесь? — прошептала она. Оберон кивнул, чувствуя, что в эту минуту она сдалась окончательно. Просто устала бороться с судьбой и опустила руки.

Элиза шмыгнула носом. «Почему твой папаша, хренов игрок, оказался настолько глуп, что не подумал о том, что с тобой случится?» — подумал Оберон. Он отвел взгляд — лишь видел краем глаза, как Элиза начала раздеваться: медленно-медленно, словно ее тянули за веревочки.

— Подойдите, миледи, — с максимальным уважением произнес Оберон, когда девушка осталась в сорочке и коротких панталонах. Элиза едва слышно вздохнула, послушно подошла к нему — идеальная фарфоровая куколка, которая будет такой же кукольно послушной, у которой нет другого выхода. От девушки пахло легкими духами — дорогими, насколько мог судить Оберон, — мылом, а сильнее всего страхом.

Оберон дотронулся до ее колена — белого, ледяного — и медленно повел ладонью вверх по внутренней стороне бедра, чувствуя, как по пальцам щелкает ток. Элиза вздрогнула и застыла, как крошечное испуганное животное, которое надеется, что охотник уйдет, если оно не будет двигаться.

Бей или беги. Если ты не можешь сделать ни того ни другого, то с тобой все кончено.

Как она вообще собиралась продавать себя с такими хрупкими нервами? Пришел бы какой-нибудь престарелый сластолюбец вроде Моргана Фрили, и ничем хорошим это бы не кончилось. Обычно потом настолько чувствительные девушки прыгают в реку.

Конечно, среди содержанок были и девицы, которые ходили с гордо поднятой головой и плевали на все сплетни и разговоры, но Элиза Леклер была не из их числа. Для подобного равнодушия она была слишком брезглива.

— Говорите, занялись переводами? — спросил Оберон. Ладонь двинулась еще выше. На мгновение им овладело густое властное желание вмять эту точеную живую статуэтку в шелк дивана, разъ-

ять, присвоить — или просто запустить пальцы в разрез панталон, прикоснуться к ней там, где сейчас пульсирует живое влажное тепло, где загорается золотой огонек магии. Даже в глазах потемнело — но Оберон сразу же опомнился, стряхивая наваждение.

Незачем. Он и так узнал все, что нужно. За похотью пришло чувство, которое охватывало хищника за мгновение до того, как зубы вгрызались в горло жертвы.

— Да, — прошептала Элиза. Слеза прочертила дорожку по щеке. — Я знаю гардалинский, наречие Малой Вольты и авесинский..

Он отвел руку, поднялся с дивана и мягко опустил ладони на плечи Элизы. Она подняла голову и посмотрела на него с невыносимой болью и надеждой.

— Умница, — улыбнулся Оберон. — Что еще ты умеешь, лисичка?

Девушка шарахнулась от него так, словно Оберон ее ударил. Почти вырвалась: он сумел ухватить ее за запястья, удержал, набросил тонкую сеточку заклинания, которое усмиряло оборотней. Глаза Элизы сверкнули нервным большим блеском, а потом заклинание сработало, и она опустила голову.

— Что теперь? — услышал Оберон едва различимый шепот. — Убьете меня?

Он не удивился. Чего еще ждать лисице-оборотню от декана факультета темной магии, которому по долгу службы полагается уничтожать таких, как она, и учить этому своих студентов. Оберон всмо-

трелся в серебристую дымку чужой ауры: не обращивалась ни разу — вот и замечательно. Папаша-генерал был, конечно, дурак, но вживил в дочку нитку заклинания, которая удерживает ее в человеческом виде даже в полнолуние.

Вон она, эта нитка. Змеится по самому краю ауры, почти незаметно.

— Нет, — ласково сказал Оберон. Он позволил себе еще минуту насладиться теплом девичьего тела, цветочным запахом, что поднимался от волос, тонкими очертаниями белых плеч — позволил и отстранил Элизу, сел обратно на диван. — Одевайтесь, миледи, у вас тут не очень-то тепло.

Снова зашуршало платье. Оберон откинулся на спинку дивана и устало закрыл глаза.

Девушка-оборотень из благородного семейства, которую он, судя по всему, не сможет не купить. Прекрасное завершение каникул.

— Оpoznать оборотня можно двумя способами, — произнес Оберон. Его немилосердно клонило в сон от усталости: последние дни лета были полны забот и трудов. — Внутренняя сторона правого бедра всегда отзывается легким ударом тока на прикосновение с заклинанием. Именно поэтому я велел вам раздеться, миледи. Не потому, что хотел облапать поскорее.

Оберон машинально задал себе вопрос, сколько лет у него не было женщины. Кажется, четыре года. Нет, все-таки три — он вспомнил один случай и ухмыльнулся.

— А второй способ? — Он услышал шаги, легкий скрип кресла: Элиза переделалась и села.

— А второй способ — это посыпать оборотня специальной серебряной стружкой. — Оберон открыл глаза, улыбнулся. — Но у меня ее сейчас нет, всю истратил на болотах. Да не смотрите вы на меня так, я не сделаю вам ничего плохого.

Лицо Элизы нервно дрогнуло, словно девушка с трудом сдерживала слезы.

— Хотите сказать, что я могу вам верить? — спросила она, вложив в вопрос всю свою язвительность. Оберон улыбнулся.

— Можете. Я не обижу вас, Элиза. Вы ведь не оборачивались, правда?

Девушка медленно кивнула. Поднесла руку к лицу, опустила. Оберон понимал, насколько ей сейчас не по себе — понимал и искренне сочувствовал.

Хотя, конечно, сочувствие — это не то, что оборотень может получить от таких, как он.

Но долг службы у Оберона всегда подчинялся здравому смыслу. Как сейчас.

— Нет. Я не оборачивалась, — сказала Элиза. — Когда я была маленькой, отец водил меня к врачу, мне вшили нить... она не дает оборачиваться. У мамы была такая же.

Оберон понимающе кивнул. Интересный человек был генерал Леклер. Очень интересный. Женится на лисице-оборотне. Обычно такие живут в одиночестве, и люди видят в них лишь старых дев или угрюмых холостяков, даже не догадываясь, что именно эти люди скрывают под масками.

— Вот и хорошо, — произнес Оберон. — Итак. Убирайте сластолист, пока сюда не пришел еще

кто-нибудь. Я выплачу долги генерала, и вам не придется больше переживать за свое будущее.

«Но мне придется с тобой спать», — это было написано на лице Элизы. Огромными буквами. Наверно, она до сих пор чувствовала его прикосновение на коже и сгорала от стыда и другого чувства, незнакомого, но влекущего.

Оберон видел его следы в серебре чужой ауры.

Но Элиза ничего не сказала. Лишь кивнула. Сделка есть сделка, она сама предложила себя, когда поставила на подоконник горшок с цветком. Разговоры уже не нужны.

— Завтра я поеду в академию, — продолжал Оберон. — Скоро начнется учебный год, и меня ждут три курса оболтусов. Скажите служанке, чтобы собирала ваши вещи, вы поедете со мной.

Элиза вздохнула. Прикрыла глаза.

— Все правильно, — ее голос был спокойным и ровным, она смирилась с тем, что ее тайна раскрыта, и решила, что единственный правильный путь — быть милой, послушной и ласковой. И не спорить с человеком, который выплатит все долги ее отца: он ведь может и передумать, если юная леди будет строптивой. — Вы должны взять с собой наложницу.

Оберон понимающе кивнул.

— Вы удивитесь, миледи Элиза, но я не собираюсь с вами спать, — произнес он. Элиза вздрогнула всем телом, посмотрела на Оберона так, словно он ее ударил. — Я не беру женщин против их воли и не использую чужую беду в гнусных целях. Чем быстрее вы в это поверите, тем будет лучше.

Элиза поднялась. Медленно прошла к окну, сняла проклятый горшок со сладостистом и поставила его на пол.

— Почему? — негромко спросила она. — Триста тысяч золотых крон — это огромные деньги. Никто не отдаст их просто так, незнакомке. Особенно если я оборотень, а вы охотник на оборотней.

— И мне полагается вас душить просто потому, что вы живете на свете. — Оберон тоже поднялся, подошел к Элизе и мягко, по-дружески сжал ее руку. Она вздрогнула, опустила голову, но руку не отняла. — Бросьте, Элиза! Я хочу вам помочь. Просто потому, что могу. Потому, что однажды дал клятву защищать несчастных. Потому, что мне вас искренне жаль, в конце концов.

— Я... — Элиза провела ладонью по лицу и наконец-то посмотрела Оберону в глаза. — Я этого не ожидала, милорд. Это...

— Сладостист видел не только я, — произнес Оберон. — Вся столица сейчас говорит о том, что дочь генерала Леклера стала шлюхой. Если вы останетесь в городе, то это мнение станет крепнуть с каждым днем.

— А если я уеду, то все обо всем забудут, — промолвила Элиза. Оберон кивнул.

— Верно. Ну что, лисичка, переставайте плакать. Собирайте вещи, завтра нас ждет поезд и дорога в академию. И вот еще что.

Элиза напряглась — от нее так и брызнуло рыжими искрами страха.

— Я вымотался и засыпаю на ходу, — признался Оберон. — Устройте меня в вашей гостевой?

Губы девушки дрогнули в улыбке.

— Разумеется, милорд, — ответила она. — Это ведь теперь ваш дом.

* * *

Ей никогда не было так плохо, как в тот момент, когда горшок со слаголистом встал на подоконник, — и еще никогда в жизни Элиза не испытывала настолько глубокого облегчения, когда сняла его.

Это было освобождением и надеждой. Рядом с этим даже необходимость отправиться с Ренаром в академию казалась Элизе пустяком. Она, конечно, понятия не имела, что будет там делать, но глубинное оборотническое чутье подсказывало, что обязательно найдет себе занятие.

Все будет хорошо. Она никогда не сидела у окошка, сложа руки и мечтая о принце. И отцу это нравилось: он разрешил ей получить то образование, которое потрясло всех знакомых, — Элиза, которая с детства знала несколько иностранных языков, прошла курсы переводчиков при столичной академии. Знакомые кумушки недоумевали, а Элиза радовалась.

Учеба казалась ей дорогой в новый мир. Учеба спасла ее после смерти отца, когда Элиза бросилась искать работу, чтобы хоть как-то выкарабкаться, — она нашла место переводчицы в журнале гораздо быстрее, чем ожидали все ее знакомые. Теперь Элиза жалела лишь об одном: что не стала работать раньше, когда отец еще был жив. У нее было бы больше опыта и личных денег.

Ренаром занялась домоправительница: госпожа Анжени, разумеется, подслушивала их беседу и теперь смотрела на спасителя и избавителя с искренней признательностью. Когда Элиза позвонила в колокольчик, она вошла в гостиную, поклонилась новому хозяину дома и предложила легкий ужин и сигару. Декан отказался. Быстрым шагом идя к лестнице, Элиза услышала, как он говорит:

— Благодарю вас, но нет. Только спать, я страшно вымотался.

— Понимаю, милорд, — госпожа Анжени чопорно кивнула седой головой, как всегда кивала, когда с ней говорил отец. — Тогда прошу вас, гостевая комната на первом этаже.

На мгновение Элизе стало страшно. Ренар мог и обмануть ее. Прикинулся понимающим добрячком — а ночью придет в ее спальню и перережет горло серебряным ножом. Ведь с оборотнями положено поступать именно так — особенно тому человеку, который посвятил свою жизнь войне с порождениями тьмы.

Элиза сказала себе, что он давно убил бы ее, если бы действительно хотел убить.

Скользнув в свою спальню, Элиза привалилась к закрытой двери и дотронулась до ноги там, где еще пульсировал огненный отпечаток чужой ладони. Ей казалось, что рука Ренара все еще там, и это ощущение делало Элизу маленькой и слабой. Ноги подкашивались, а в ушах поднимался и нарастал звон.

Ставя сластолист на подоконник, Элиза понимала, на что идет. В доме появится человек, ко-

торый делает ее своей вещью, — сначала мысль об этом пугала Элизу, но потом она поняла, что здесь, собственно, нет ничего нового. Сначала девушка была собственностью отца и матери, а потом мужа, которого для нее выберут по должности и недрам кошелька. А любовь и чувства пусть остаются в романах. Элиза прекрасно понимала, что написанное в книгах очень редко имеет отношение к настоящей жизни.

И Ренар дотронулся до нее, потому что имел на это все права.

Не чувствуя под собой пола, Элиза прошла к кровати и упала на покрывало. Прикосновение Ренара пробудило в ней что-то далекое, древнее, спавшее глубоко-глубоко. Элиза иногда ловила оттенки этого ощущения и удивлялась тому, насколько оно было сладким и влекущим.

Может, именно его и заковыывают в оборотнях, не давая им превращаться в зверей и терять рассудок?

Интересно, будет ли у нее своя комната в академии? Или все-таки ей предстоит жить с Ренаром, делить с ним ложе и понимать, что она не жена, не порядочная женщина, а простая шлюха, которую он купил...

Элизе стало грустно. Она села на кровати, сняла туфли и подумала: что ж, Ренар хотя бы не промотает ее приданое — нечего тут проматывать.

Что, если взять в академию те переводы, которые она получила у редактора? Элиза может быть вещью господина декана, но у нее хотя бы будут собственные деньги. Не станет же он отнимать

эти скудные крохи? Элиза представила, сколько ей придется работать, чтобы купить хотя бы комнату, и это было настолько тоскливо, что она невольно всхлипнула.

«Как вы вообще собирались продавать себя, с такими-то нервами?» — внутренний голос прозвучал в ее голове с насмешливыми интонациями Ренара. Элиза переделась и, глядя на свое платье, подумала, что сожжет его. Этот Ренар — дрянь, которая хочет казаться добрячком и защитником слабых. Заставил ее раздеться и облапал вместо того, чтобы сказать: «Элиза, мне кажется, вы оборотень, и я просто должен в этом убедиться».

Но нет! Ему надо было показать свою власть. И страх Элизы пришелся ему по душе.

Элиза свернулась калачиком под одеялом и сделала несколько глубоких и медленных вдохов и выдохов, стараясь успокоиться. Сейчас Ренар мог бы быть с ней в этой постели — а он сказал, что не берет женщин против воли. Возможно, ему стоит верить. Элиза подумала, что у нее просто нет другого выхода.

Этот человек выплатит долги ее отца. Он позаботился о ее чести, хотя мог бы не делать этого. Как минимум следует быть благодарной.

Элиза всегда была честной с собой — и признала, что Ренар ей понравился. В нем было что-то очень спокойное и надежное, и это одновременно пугало и радовало.

В шкафу едва слышно зашелестело, словно кто-то маленький пробирался среди платьев. Элиза села, прислушалась: вроде бы никого. Может, мышь

в стене? Хотя в доме никогда не было мышей, Элиза знала, что рано или поздно они появятся.

Тишина. Дом постепенно погружался в сон. Слуги заканчивали дела и расходились по своим комнатам, Ренар, должно быть, уже видел третий сон. Когда Элиза окончательно решила, что ей показалось, шелест послышался снова.

Нет, это не мышь. Это было что-то намного крупнее мыши.

Элиза бесшумно поднялась с кровати и, шагнув к туалетному столику, взяла бутылку ароматической воды для умывания. Если что — плеснет душистой жидкостью или ударит чудовище по голове.

«Там никого нет», — сказала себе Элиза, и в этот миг дверь шкафа тихонько отворилась. На ковер упала густая тень, заклубилась, обретая очертания.

Элиза всмотрелась в то, что вышло к ней из тьмы, и закричала.

* * *

Услышав сквозь сон девичий вопль, Оберон слетел с кровати и бросился из комнаты, подхватив с собой лишь маленький кинжал, с которым никогда не расставался. Дом был темен и тих, слуги совсем недавно отправились спать, и сейчас Оберон слышал, как в особняке начинается возня. Люди вскакивали с кроватей и высовывались из комнат, пытаясь понять, что случилось.

Он взлетел по лестнице на второй этаж, и крик повторился. Элиза кричала так, словно ее убивают — и это так и было. Практически выбив дверь ее